

G. BRESCIA. La 'scalata' del Liguro: Saggio di commento a Sallustio, Bellum Iugurthinum 92–94. Bari: Edipuglia, 1997. 165 p.

«Особым достоинством античной историографии, которое обычно отсутствует или по крайней мере мало ценится у современных историков, является умение *pagare*. Разве необходимо, чтобы пронизательность исследования или глубина исторических суждений убивали искусство повествования?»¹. Этими словами Антонио Ла Пенны открывает Грациана Брешиа свою книгу (с. 5). Ее монография посвящена анализу рассказа Саллюстия о взятии римлянами нумидийской крепости Мулуки. Этот эпизод имел ограниченное значение для хода Югуртинской войны, но его описание важно для характеристики авторского *usus scribendi*, упомянутого искусства повествования. Но не только для него: мулуцкий казус весьма показателен и для понимания Саллюстиевой оценки Мария – одного из ключевых персонажей *Bellum Iugurthinum*.

По мнению Г. Брешии, события в Утике, Капсе и Мулуке образуют единый семантический блок: в Утике гадатель призвал Мария дерзнуть, обещая покровительство судьбы, взятие Капсы – «первая ступенька на лестнице, которая приведет Мария к завоеванию харизматической роли», в Мулуке же полководец доказывает, что находится под покровительством судьбы. Однако это покровительство понадобилось потому, что он не смог справиться своими силами с ситуацией, причиной которой стали его собственные амбициозность и неосмотрительность. Стремясь любой ценой захватить мулуцкую крепость, в которой хранились царские сокровища, он принялся осаждать ее, но безуспешно – цитадель находилась на крутой скале и была практически неприступна. Все попытки римлян овладеть ею потерпели неудачу. Марий оказался в патовой ситуации (Sall. Iug. 92. 5 – 93. 2). Г. Брешиа отмечает, что в свое время он говорил о жадности римских военачальников как причине затягивания войны (85. 46), а теперь сам уподобился им, алкая богатств Югурты. В свое время и Авл Постумий по той же причине осадил Сутул в неблагоприятных условиях и в итоге потерпел позорное поражение (37. 3–4). Мария же выручил случай, за что его и критикует Саллюстий (93. 1; 94. 7), ибо, по его мнению, *virtus*, а не *fortuna* должна направлять действия людей (см. 1. 1). В этом ключе и нужно рассматривать описание мулуцкого эпизода (с. 20–25, 85–86).

Марий пребывает в раздумьях, снять ему осаду или ждать счастливого случая. И тут ситуация разрешается благодаря безымянному лигурскому воину (*miles gregarius*), который, разведав путь на скалу, обеспечивает успешный штурм. Налицо традиционные черты рассказа в жанре *mirabilia* и *strategemata*: неприступность крепости, неудачная осада, колебания полководца, появление некоего персонажа и, наконец, взятие цитадели. Зачастую этот персонаж, чье появление само по себе дело случая, пользуется милостью фортуны, и мулуцкий эпизод – не исключение: лигур сумел проникнуть на вершину скалы благодаря росшему там каменному дубу (93. 4). Но в рассказе Саллюстия есть и весьма примечательные особенности. Лигуры не пользовались любовью римских авторов – отрицательные отзывы о них встречаются у Катона, Цицерона, Вергилия, которые пишут об их *calliditas*, *audacia*, *duritia*, *perfidia*. Да и Саллюстий сообщает о лигурийской когорте, подкупленной Югуртой и перешедшей на его сторону (38. 6). В мулуцком же эпизоде лигур оказывается в центре повествования, причём действия его описываются как в высшей степени достойные похвалы (см. ниже). Можно полагать, что Саллюстий обыгрывает положительные стороны закаленности (*duritia*) и находчивости (*calliditas*) лигуров (с. 27–77).

Но вот на что особенно обращает внимание Брешиа (с. 85–101). Эпизод, подобный взятию Мулуки, встречается у многих авторов – Геродота, Фронтин, Курция Руфа. Но при этом у Курция Руфа (V. 3–4; VIII. 11), например, «несмотря на решающее значение вмешательства анонимного персонажа, который в обмен на награду выступает в качестве проводника в силу отличного знания местности, руководство операцией остается за царем, сохраняющим свою харизматическую роль» (с. 97). Несколько иная ситуация у Фукидида при описании завершающего этапа осады Сфактерии (IV. 36. 1–3). Разгром спартанцев фактически организует безымянный командир мессенского отряда, а афинские стратеги Демосфен и Клеон по сути не участвуют в операции, предоставив ему полную самостоятельность. Именно этот, второй, случай ближе всего к мулуцкому эпизоду. Лигур не только тщательно разведывает дорогу, но

¹ *La Penna A. Sallustio e la 'rivoluzione' romana. Milano, 1968. P. 158.*

и составляет план операции и умело проводит ее, причем ни о каком обещании награды не говорится. Действия лигура уже накануне штурма описываются в терминах, используемых в характеристике «идеальных» полководцев – *temptare, explorare, circumspicere*. Он совершает *quae omnino imperatori ante proelium agenda sunt*². Аналогично и стилистическое оформление мотивации его поступков – они основываются на *cupido difficilia faciendi*, что также присуще настоящим полководцам. По ходу рассказа в отношении лигура употреблено слово *dux* (93. 6; 94. 1). Но это не только *dux itineris*, но и *dux periculi*, *dux* явно обретает коннотацию «leader». Марий же оказывается лишь исполнителем воли простого воина и «полностью лишается авторитета и харизмы лидера» – они переходят к его подчиненному. Последний в свою очередь от эпитетов, которыми латинские авторы наделяют варваров (*rudis, temerarius*), избавлен – *acta edocet, non temere* (93. 5), а упрек в *temeritas* адресуется Марию (94. 7).

Как идеальный *dux periculi* лигур действует и при восхождении на гору – он идет впереди воинов, помогает им взбираться на кручу, проверяет в случае нужды дорогу, ободряет солдат. По мнению автора, налицо параллель с Ливиевым Ганнибалом (XXI. 35. 8) и Саллюстиевым же Катилиной в битве при Пистории (Cat. 58–60). Г. Брешиа указывает на любопытную деталь: в особо труднопроходимых местах лигур затаскивает наверх оружие некоторых воинов (Sall. Iug. 94. 2). Сходный эпизод есть и у Ливия при описании штурма галлами Рима в 390 г. до н.э. (V. 47). Но там действие носит характер взаимопомощи – воины передают оружие друг другу, у Саллюстия же лигур проделывает это только сам, сохраняя «свою первенствующую роль на всех этапах операции». В итоге «достигается максимальный результат, которого может добиться полководец, став образцом и опорой для товарищей по оружию». Именно таким пытался, кстати, представить себя и сам Марий в своей речи перед народом (Sall. Iug. 85. 47).

В заключение Г. Брешиа останавливается на общей картине решающего штурма Мулукки. Она проводит параллели с Фукидидом, Ливием, другими эпизодами из сочинений Саллюстия, указывая на ряд общих моментов: дорога непривычна и трудна для воинов, они поднимаются в молчании, полуразутые или вовсе босые, с минимальным снаряжением, передавая оружие друг другу. Все эти аналогии позволяют предположить наличие *'topos' della scalata* – незаметного для противника подъема на стену или гору, где стоит вражеская крепость. Нумидийцы же в это время выкрикивают оскорбления воинам Мария, «будучи дерзкими в своей удаче» (*secundis rebus ferocis esse* – 94. 5). Лексически и ситуативно это напоминает эпизод из «Амфитриона» Плавта (ст. 211–215), где телебой надменно (*superbe nimis ferociter*) требуют от Амфитриона убраться с войском из их владений. Термины *ferus, ferox* вообще весьма употребительны для выражения идеи варварства. Далее – еще один *locus communis*: римляне сражаются *pro gloria atque imperio*, нумидийцы – *pro salute* (ср.: Liv. XXII. 58. 3; XXVII. 39. 9; Iust. XXVIII. 4. 2; Tac. Agr. 5. 2). И, наконец, *topos urbs capta*, черты которого встречаются уже в «Илиаде» (IX. 593–594). В мулуккском эпизоде присутствуют многие его элементы: женщины и дети смотрят на битву со стен, затем – атмосфера беспорядка при слухе о появлении отряда во главе с лигуром, общее бегство, избиение побежденных. Для усиления художественного эффекта Саллюстий описывает бегство по нарастающей: сначала бегут женщины и дети, затем те, кто ближе к стене и, наконец, все остальные. Особого накала повествование достигает в рассказе о том, как римские солдаты, *avidī gloriae*, взбираются на стены по трупам, причем никто не задерживается ради грабежа. Для драматизации изложения писатель активно использует *infinitivus historicus*: *consistere, cadere, sauciari* и т.п. Происходит, по выражению Г. Брешиа, «эскалация насилия», и описание штурма превращается в «сцену настоящего побоища» (с. 106–140).

В центре этой последней сцены оказываются римские воины. Их доблестное поведение соответствует традиционной модели, в рамках которой *miles* выступает как образец храбрости, силы и энергии. Особенно важно, что воины действуют *avidī gloriae*, а ведь именно *cupiditas gloriae, gloriae certamen* стали основой могущества Рима (Cat. 7. 4–6), этическим и гражданским фундаментом общества (с. 140–142).

«В заключение, таким образом, можно утверждать, что семантический и стилистический регистр, определяющий Саллюстиевы приоритеты в построении этого военного эпизода, оказывается основан на логике, отражающей координаты идеологической и культурной системы, которая направляет и обуславливает процесс отбора и комбинации материала повествования» (с. 143).

² Г. Брешиа здесь перефразирует Паскуччи: *Pascucci G. La scelta dei mezzi espressivi nel resoconto militare di Sostia (Plauto Amph., 186–226) // Atti e Memorie dell'Accademia Toscana di Scienze e Lettere La Colombaria. 1961–1962. XXVI (N.S. XII), P. 161–203.*

Анализ, проведенный Г. Брешией, весьма интересен и логически выстроен, исследовательница продемонстрировала блестящее знание нарративных источников, что позволило выявить в них немало структурных и лексических параллелей. Особого внимания заслуживают соображения о соответствии образов Мария и лигура роли дух. Однако вызывают возражение некоторые методологические установки и наблюдения автора Г. Брешиа воспринимает текст Саллюстия преимущественно как художественную реальность, в то время как это еще и изложение исторических фактов. Не вполне ясно, например, почему специально отмечается тот факт, что в отношении лигура не употребляется негативных эпитетов, которыми обычно характеризовали лигуров другие писатели. Было бы странно использовать подобные эпитеты, рассказывая о ситуации, где лигур проявил себя с самой лучшей стороны. Вряд ли справедливо усматривать антилигурийские настроения, как это делает Г. Брешиа, в таких словах: «Из тех, кого мы назвали подкупленными, одна когорта лигурийцев с двумя турмами фракийцев... перешла на сторону царя» (Iug. 38. 6 – пер. В.О. Горенштейна). Здесь фиксируется не продажность лигуров как таковых, а успех попыток Югурты подкупить вспомогательные отряды римской армии.

Требуется поправка и взгляд автора на трактовку Саллюстием образа Мария. В целом она убедительна, Марий действительно представлен здесь в неблагоприятном свете, но все же нельзя считать его лишь исполнителем воли лигура. Саллюстий указывает, что когда лигур предложил полководцу свой план штурма, тот отправил людей проверить на месте, возможно ли проведение операции. Мнения экспертов после осмотра разделились, но Марий все же приказал атаковать (93. 6–8). Если бы автор считал, что последний лишь покорно плетется в хвосте событий, он не стал бы фиксировать факт разногласий, на фоне которых правильное решение командующего выглядит более выигрышно.

Наконец, Г. Брешиа так много пишет о средствах драматизации изложения, используемых Саллюстием, что невольно возникает явно преувеличенное представление об эмоциональном фоне «Югуртинской войны». Между тем в целом она написана весьма сдержанно, ни о какой «сцене настоящего побоища» нет и речи, говорится, что большинство врагов солдаты лишь ранили, а о поведении римлян внутри взятого города умалчивается. Давно отмечено, что Саллюстий избегал в «Югуртинской войне» описания жестоких сцен³ и отошел от этого правила лишь в «Истории»⁴. Все это, конечно, не значит, что наблюдения автора о методах драматизации повествования в мулуккском эпизоде неверны, но оговорить упомянутое обстоятельство, на мой взгляд, было бы необходимо.

Тем не менее книга Г. Брешии представляет немалый интерес, и ее с пользой для себя прочтут исследователи как творчества Саллюстия, так и античной литературы в целом.

А.В. Короленков

³ См., например: *Büchner K. Der Aufbau von Sallusts Bellum Iugurthinum* Wiesbaden, 1953. S. 9.

⁴ *Idem. Sallust. Heidelberg, 1960. S. 291.*